

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава IV. О книжных справщиках при патриархе Иосифе и происхождении двуперстия

Из сказанного нами о состоянии книжных исправлений при патриархе Иосифе само собой следует, что книжными справщиками при Иосифе никак не могли быть такие лица, как Аввакум, Неронов, Лазарь и другие противники церковной реформы Никона, а между тем и доселе это мнение о книжных справщиках Иосифа почти всеми признается как достоверное. Оно основывается на свидетельстве митрополита Игнатия тобольского, который в третьем своем послании говорит, что Аввакум, Лазарь, Никита, Федор, Неронов и Стефан Вонифатьев "велие в оно время (в конце патриаршества Иосифа) имъяху дерзновение к самодержцам", напечатали в разных церковных книгах армянские мнения, так как патриарх Иосиф, "муж престарълый, все оно исправление книг возложили на совет вышепомянутых протопопов и попов и ничтоже о сем печашеся, ввѣришася убо ему". С этого именно времени, говорит Игнатий, по Руси и распространилось двоеперстие и другие раскольничьи мнения, с этого именно времени "вси от мала и до велика от ТЕХ книг, начаша двоицею перстов на себе крест изображати". Это мнение Игнатия тобольского без всякой проверки было принято как несомненное нашими церковными историками и полемистами с расколом. Но в последнее время его достоверность была, однако, значительно поколеблена. Были найдены и напечатаны сохранившиеся до нашего времени списки справщиков книг за XVII век с точным обозначением, когда и кто занимался книжной справкой и сколько за это получал. В этих списках имен Аввакума, Лазаря, Неронова и других вовсе нет, хотя справщики книг за время Иосифа и указаны. Ясное дело, что упомянутые лица вовсе не были книжными справщиками. Но окончательно оставить это мнение о иосифовских справщиках как ошибочное даже наши лучшие новейшие историки не решаются ввиду тех трудных вопросов, которые тогда возникают при объяснении всеми признаваемой порчи наших церковных книг при патриархе Иосифе. Если в действительности книжными справщиками при патриархе Иосифе были не известные невежественные протопопы и попы, сделавшиеся потом противниками книжных исправлений Никона, а совсем другие лица, люди для тогдашнего времени очень образованные и в некоторых отношениях даже либеральные*, то откуда же и кем в таком случае внесены были в наши печатные иосифовские книги, порожденные московским невежеством, раскольничьи мнения? Чтобы избежать ответа на этот вопрос, преосв. Макарий в своей "Истории русской церкви" думает объяснить дело таким образом: он признает, что Аввакум, Лазарь и другие действительно не были простыми, обыденными справщиками, почему их имена и не попали в списки книжных справщиков, но за то они имели высший, верховный надзор за книжными

исправлениями, так что им принадлежала последняя редакция всех предназначенных к печатанию книг, благодаря чему они и имели полную возможность вносить в наши церковные книги и действительно внесли в них разделяемые ими раскольничьи мнения. Думают такое понимание дела подкрепить ссылкой на Арсения Суханова, который в своих прениях с греками о вере между прочим заявил: "А у нас книги правят избранные люди и беспрестанно над ними сидят, а над теми людьми надзирают, по государеву указу, митрополит и архимандрит *и протопопы*, кому государь укажет, и о всяком дѣль докладывают государя и патриарха". Под протопопами, имевшими высший надзор за справщиками книг, и нужно, говорят, разумеет известных протопопов Аввакума, Лазаря, Неронова.

* Около 1647 года велено было напечатать житие преподобного Сергия, в состав которого вошли некоторые его новые чудеса. Но печатники не хотели печатать всех новых чудес, "истину бо глаголаху *ложь быти и вмняху в случай, а не в чудеса*". Понятно, что подобное скептическое отношение к некоторым новым чудесам преп. Сергия, помещенным в его житии, могло исходить от таких лиц, как Неронов, Аввакум и др.

Но и в таком, уже значительно смягченном виде мнение о том, что разные раскольничьи статьи внесены в иосифовские книги Аввакумом, Лазарем и Нероновым, никак не может быть принято, так как эти протопопы в действительности никогда не имели никакого отношения к книжным исправлениям во времена патриарха Иосифа.

Мы уже видели, что иосифовские справщики не только открыто и решительно заявляли не раз о неисправности наших славянских переводов, вообще о необходимости сверить их с греческими подлинниками, о предоставлении книжной справки людям, получившим серьезное научное образование, основательно изучившим языки греческий и славянский, но что они еще при Иосифе уже начали исправлять наши церковные книги с греческих. Точно так же мы видели, что иосифовские справщики смело печатают в Москве произведения южнорусских ученых, даже выдавая их за творения св. отцов, что в напечатанных ими книгах они настойчиво проповедуют о полном православии греков, о необходимости сноситься с ними по всем церковным вопросам и во всем поступать единомысленно с ними, - так что в действительности иосифовские справщики во всем были предшественниками Никона, подготовляли для его реформы почву и, в частности, относительно книжных исправлений, были с ним вполне единомысленны: Никон был только продолжателем дела, начатого иосифовскими справщиками. Думать после этого, что Аввакум, Лазарь и Неронов действительно были при Иосифе или справщиками книг или имели за изданием высший надзор, значит допускать слишком вопиющую несообразность, нечто решительно невозможное. Та же полная несообразность этого мнения обнаруживается и при соображении других данных.

Важнейшая старообрядческая особенность - учение о двоеперстии - в первый раз внесена была в Псалтырь, которую начали печатать 11 сентября 1642 года, а окончили в том же году 31 декабря. В этой Псалтыри есть несколько сводных статей, из которых вторая заглавляется так: "Ведомо буди и сем, яко подобает всякому христианину ведати известно, како лице свое крестити крестообразно и истово..." и пр. Вся статья о перстосложении изложена буквально сходно с тем, как она была потом напечатана в знаменитой Кирилловой книге, появившейся в 1644 году. Значит, первое появление в печатных иосифовских книгах учения о двоеперстии относится к 1642 году. Теперь спрашивается: в 1642 году были ли в Москве протопопы Аввакум, Лазарь, Неронов, предполагаемые справщики книг, первые будто бы внесшие в них учение о двоеперстии? Вот данные для решения этого важного вопроса: в 1644 году протопопом московского Благовещенского собора был священник Никита*. Значит, духовник царя Алексея Михайловича, Стефан Вонифатьевич, выдвинувший Неронова, Аввакума и др., сделался протопопом Благовещенского собора не раньше 1645 или 1646 года, когда он, как духовник нового царя, стал особенно значительным человеком. Стефан тесно сблизился с Федором Ртищевым и вместе с ним, с одобрения царя, назначил протопопом московского Казанского собора Иоанна Неронова, который ранее был приходским священником в Нижнем Новгороде. Следовательно, Неронов переселился в Москву из Нижнего Новгорода никак не ранее 1646 или 1647 года. Что же касается Аввакума, то он сам дает определенные сведения о времени своего переселения в Москву. Сначала он был сельским священником в Нижегородской области, а потом был поставлен протопопом Юрьевца-Повольского, где он пробыл всего только восемь недель и затем бежал в Москву. Вскоре после этого, по словам Аввакума, "Никон, друг наш, привез из Соловков мощи Филиппа митрополита". Значит, Аввакум поселился в Москве только уже в последний год патриаршества Иосифа** и в Москве, по его собственным словам, занимался не книжными исправлениями, а тем, что читал в Казанском соборе народу книги, т.е. отеческие поучения, так как он, переселившись в Москву, приписался к Казанскому собору, протопопом которого был его друг, Неронов. Аввакум же указывает и на время, когда в Москву перебрался и костромской протопоп Даниил. Именно он рассказывает, что когда ему пришлось бежать из Юрьевца в Москву, то он "на Кострому прибежал, ано и тут протопопа ж Даниила изгнали". Следовательно, Даниил явился в Москву незадолго до прибытия сюда Аввакума, т.е. в последние месяцы патриаршества Иосифа. Логин был взят в Москву из Рязани уже при патриархе Никоне. Лазарь и Никита в то время еще вовсе не были в Москве. Таким образом, предполагаемые книжные справщики при патриархе Иосифе, протопопы Неронов, Аввакум, Даниил, Логин, появились в Москве - первый никак не ранее 1646 - 1647 года, Аввакум в последние только месяцы патриаршества Иосифа, а Логин и Лазарь - уже при Никоне. Теперь спрашивается: каким же образом эти лица могли принимать прямое или не прямое участие в книжных исправлениях, могли вносить старообрядческие мнения в наши церковные книги, напечатанные еще при Михаиле Феодоровиче в 1642 году, когда их в это время и в Москве-то вовсе не было? Каким образом, например, Аввакум, бывший до пятидесятих годов простым, никому не известным сельским священником, мог влиять из своего села в Нижегородской области на печатание в Москве церковных книг, на

внесение в них разных неподобающих статей? Ясное дело, что считать Неронова, Аввакума, Даниила и Лазаря справщиками книг при Иосифе или верховными руководителями книжной sprawy, видеть именно в них виновников появления в наших церковных книгах различных старообрядческих мнений, значит допускать нечто совершенно несообразное и совсем невозможное. Да и вообще странно было бы какого-нибудь Аввакума видеть в роли книжного справщика, а тем более верховного руководителя книжной sprawy, когда он, по словам его единомысленника и почитателя, известного дьякона Федора, не мог грамотно прочесть даже и свою собственную имевшуюся Псалтырь и отличить в ней простую опечатку от подлинного текста, когда он даже относительно основного христианского догмата, в учении о Св. Троице, впадает в еретическое мудрование. Как ни бедна была древняя Русь образованными людьми, все-таки дело в этом отношении не доходило до того, чтобы у нас справщиками книг делали лиц, не могущих читать грамотно, не могущих заметить в книге простой опечатки и не имеющих правильного представления даже о Св. Троице. Думать так значило бы слишком уже злоупотреблять представлением о всеобщем невежестве в древней Руси и слишком уже унижать, в ущерб истине, нашу древнюю церковную жизнь***.

* "Благовещенского собора, что у государя на Сенех, приходившие к патриарху с праздничною св. водою протопопы: 152 г. - Никита; 154-155 г. - Степан Вонифатьев".

** Впоследствии сын Аввакума Иван показал, что отец его выехал в Москву из Юрьевца в 159 году, т.е. в 1651 г.

*** После Неронова, Аввакума, Лазаря и других противников церковной реформы Никона осталось много сочинений, в которых они постоянно говорят о книжных исправлениях при Никоне, сличают новоисправленные книги со старыми печатными и в то же время ни разу и нигде не говорят того, чтобы кто-нибудь из них когда-либо был книжным справщиком, - умолчание решительно ничем не объяснимое, если бы они, как предполагают, действительно были книжными справщиками при Иосифе. Если бы еще кому и можно было приписать из противников реформ Никона участие в книжных исправлениях при Иосифе, то единственно двум лицам - Павлу, епископу коломенскому, и Иоанну Неронову, так как они двое из тех противников реформы Никона действительно жили значительное время в Москве при Иосифе и потому имели возможность заведывать книжной справкой или же иметь за ней верховный надзор. Но и это, единственно возможное, предположение решительно опровергается свидетельством дьякона Федора, которое говорит: "На епископа Павла Коломенского, новаго исповедника, и на казанского протопопа Иоанна Неронова писал Никон тогда ко греческим патриархом ложныя басни, оправдую сам себя, а на них клеветца, яко диавол, будто они составили новыя молитвы и чины церковныя и теми людей развращают, и от соборныя церкви отделяются... Нам же всем православным христианом во всей Русской земли ведомо о том, яко несть их творения, Павлова и Иоаннова, ни единыя молитвы, ни тропаря новаго, и единого слова развратнаго не вложили они в старыя книги наши нигде отнюдь, и раскола в церкви от них не бывало никакова, и у книжныя sprawy на Печатном дворе не сиживали никогда и в

наборщиках не бывали: ведомо о сем всей Москве". Заподозривать это свидетельство Федора о Павле коломенском и Неронове невозможно - это дело было ведомо всей Москве и она немедленно обличила бы Федора во лжи, если бы он сказал неправду. Здесь, кстати, уже укажем еще на один выдающийся факт, который прямо и решительно говорит, что, по крайней мере, протопоп Аввакум не только не был справщиком при Иосифе, но что он даже не был особенным поклонником и почитателем иосифовских книг, по крайней мере, в первое время. Как известно, Аввакум, Лазарь, дьякон Федор сосланы были в Пустозерск, где между ними возникли горячие препирательства по разным богословским вопросам, во время которых протопоп Аввакум очень определенно выразил свое отношение к иосифовским книгам. Дьякон Федор говорит, между прочим, и следующее о своей расправе с Аввакумом: "А о образе Святыя Троицы с протопопом Аввакумом у мене распря бысть до казни еще здъшняя, о едином стихе токмо, еже в тройческом каноне 6-го гласа, на воскресной полунощнице, во Псалтырях со воследованием, поется 1 песни стих той: пресущный едине Господи и трисиянне образы, в тождестве зрака сый, и прочая. *Сице в его Псалтыре аввакумове напечатано при Оасафе патриархе*". Сказав потом, что опечатка иоасафовской Псалтыри была потом исправлена, Федор говорит: "А у мене в то же время *Псалтырь бысть учебная Иосифа же патриарха*, в нейже положено богословия святых отец Афанасия, и Кирила, и Максима Исповедника: и тамо учат святии отцы к вопрошающим един образ исповедывати, а составы и лица три. И паки три лица и три составы во едином образе. *И в Катихисисе* также богословия есть. И аз те книги ему, протопопу, показывал, еже учат нас три лица Святыя Троица исповедывати во едином образе и единому трисиянному зраку Божества поклоняться научи. *И он тем книгам* (т.е. иосифовским) *не верил и свою Псалтырь* (иоасафовскую) *правее всех тех книг называл*". Далее дьякон Федор рассказывает: "Да в той же Псалтырь его (Аввакума), *которую он называет всех книг правее*, была опись во 104-м псалме, сия речь: и вниде Израиль во Египет, *и возрасти* люди своя зело. А у него было: *и возврати* люди своя зъло. И за сию опись болши года бранился со мною, еже аз то называл описью и велел глаголати ему во псалме том *возрасти* люди своя *Израиль*, а не *возврати*. Он же браняше мя всяко: *ты де старыя книги хулишь и переправливать мне велишь*, а я де за них мучюся от никониян давно преже тебе! Лазарь с ним же на мя брюжжал. И после от иных Псалтырей познал, яко право глаголах ему". Итак, протопоп Аввакум верил только в свою иоасафовскую Псалтырь, ее называл правее всех иосифовских книг, никак не хотел признать, чтобы в ней были опечатки и чтобы она требовала какого-либо исправления. Говорить после этого, что Аввакум был книжным справщиком при Иосифе, что им или его единомышленниками внесены были в иосифовские книги разные старообрядческие мнения, нам кажется решительно невозможным. Да и вообще противники церковной реформы Никона нигде и никогда не выдвигают на первый план иосифовские книги, как имеющие решительное преимущество пред другими старопечатными до-никоновскими книгами, что было бы с их стороны вполне естественно, если бы они действительно были книжными справщиками и во всех особенностях иосифовских книг, сравнительно с предшествующими, видели свое личное дело. Но они обыкновенно защищают не иосифовские, а старые до-никонские книги вообще, вовсе не различая между

иосифовскими и не-иосифовскими. Но допустим, что их ссылки на старые книги при полемике против новоисправленных чаще заимствуются из книг иосифовских; то это явление легко объясняется тем, что при Иосифе разных книг было напечатано больше, чем при его предшественниках патриархах, что иосифовские книги исправлялись лучше и с большей тщательностью, нежели книги его предшественников, что как современные им, они были им и более известны и более доступны. Впрочем, есть одно свидетельство за то, что противники Никона из всех старых печатных книг уважали по преимуществу книги филаретовских изданий. Павел, митрополит крутицкий, говорит иноку Авраамии: "Враг Божий! Да *то* ив *ваших* любимых *Потребниках* филаретовских напечатано...". Это подтверждает и Аввакум в своем послании к священнику Стефану: "Да многие де наши духовный люди, - пишет он, - возмутились и хулят книги иосифовы патриарха, не ведуще писания, ни силы его, заблуждают от пути истиннаго: *бутьто* де не сходны с филаретовыми (и) иоасафовыми. И мы в них несходства и ереси не разумеем: книги добры иосифовы, я их всех приемлю, и чествуя лобызаю". Самая возможность со стороны некоторых противников Никона хулить книги патриарха Иосифа как не сходные с филаретовскими и иоасафовскими, которым верили по преимуществу, возможность возникновения в среде противников реформы Никона вопроса: следует ли признавать им иосифовские книги, уже прямо опять говорит за то, что главари раскола Неронов, Аввакум, Даниил, Лазарь и др. никогда не были при Иосифе книжными справщиками и к книжной справе вообще не имели никакого отношения.

Как несправедливо мнение, чтобы книжными справщиками при патриархе Иосифе были известные противники церковной реформы Никона протопопы Неронов, Аввакум, Лазарь и другие, так решительно несправедливо и то мнение, что будто бы наши церковные книги при патриархе Иосифе подверглись особой порче и искажению вследствие невежества иосифовских книжных справщиков.

Главным и почти единственным основанием для обвинения книжных иосифовских справщиков в невежестве, порче и искажении ими наших книг служит то обстоятельство, что только при патриархе Иосифе в наши печатные церковные книги внесены были в первый раз известные старообрядческие особенности - учение о двоеперстии в крестном знамении, двоение аллилуйи и пр. Но вопрос в том, действительно ли книжные справщики времен патриарха Иосифа должны нести всю вину и всю ответственность за внесение ими в наши церковные книги известных так называемых старообрядческих особенностей или для того времени эти особенности вовсе не были тем, чем они стали после церковной реформы Никона? В видах более правильного и беспристрастного решения вопроса возьмем важнейшую статью - учение о двоеперстии - и посмотрим, откуда и как взялся этот обычай, чтобы видеть, насколько правы были или нет иосифовские справщики, внося это учение в наши печатные церковные книги. Начнем наше исследование с Московской Руси.

Какое перстосложение употреблялось собственно в Московской Руси для крестного знамения, как господствующий, признаваемый всей церковью обычай, на это мы находим ответы в целом ряде ясных и определенных свидетельств, которые начинаются со второй половины XV века и идут затем непрерывно до самой церковной реформы Никона. В основу учения о перстосложении в Московской Руси (отличаем от Киевской) со второй половины XV века, когда у нас в первый раз возник вопрос о перстосложении в крестном знамении, положено было главным образом так называемое Феодоритово Слово*, которое во всех своих ясных и определенных редакциях учит употреблять в крестном знамении двуперстное перстосложение (все попытки объяснить некоторые редакции этого слова в пользу троеперстия решительно неудачны), *и так понимаемое всеми русскими XVI и XVII века*, оно внесено было во всевозможные наши рукописные сборники, в которых встречается очень часто. Раз получивши определенное выражение в Феодоритовом Слове, учение о двоеперстии в крестном знамении признано было нашей церковью за единственно правильное, обязательное для всех православных, исключаящее все другие формы перстосложения как неправые. Митрополит Даниил учил: "Сице благословити рукою и креститися три персты равно имети вкупе - болшей, да два последних, по образу троическу... а два перста имети наклонена, а не простерта, а темь указ тако: прообразуют две естестве Христове - божество и человечество" и пр.** Преподобный Максим Грек учит: "Совокуплением бо триех перст, сиречь палца и еже от средняго и малаго, тайну исповедуем богочначальных триех ипостасей, Отца и Сына и Св. Духа, единого Бога трое. Протяжением же долгого и средняго шедшася два естества во Христе..." и пр.*** Стоглавый собор сделал такое постановление: "Иже кто не знаменается двема персты, якоже и Христос, да есть проклят". Это соборное постановление о двоеперстии имело вполне обязательную силу, как это видно из наказных списков митрополита Макария, в которых он требует употреблять двоеперстие в крестном знамении. Первый московский патриарх Иов пишет обширное послание к грузинскому митрополиту Николаю, чтобы научить грузин держать правую христианскую веру без всяких перемен и отступлений, которые ими допущены. В это поучение, составленное из старых русских поучений, патриарх Иов вносит нечто от себя и именно относительно перстосложения в крестном знамении. Он пишет, поучая грузинского митрополита: "Молящися, креститися подобает двема престы; преж положи на чело главы своя, тоже на перси потом же на плече правое, тоже и на левое; сгбение престу именует сшествие с небес, а стоящий перст указывает вознесение Господне; а три персты равны держати - исповедуем троицу нераздельну, т.е. истинное крестное знамение"****. При патриархе Филарете Никитиче был напечатан в Москве после долгих исправлений так называемый большой Катихизис, составленный Лаврентием Зизанием. В этом Катихизисе, как известно, находится прямое, положительное учение о двоеперстии, которое, таким образом, в первый раз вошло в печатные московские книги при Филарете, а не Иосифе. В 1637 году в Грузию вместе с царскими послами патриархом Иоасафом отправлено было и особое посольство из духовных лиц (между ними был и Арсений Суханов), в наказе которым говорится, что они посылаются в Грузию "для исправления и утверждения святыя православныя христианския веры". Исполняя свою миссию, послы между прочим говорили грузинским епископам: "Архиепископ ваш и епископы и попы сами себя

знаменем крестным, по преданию св. апостол и св. отец, оградить не умеют, а прочих людей благословить истинно и не знают"*****. Едва ли нужно объяснять, почему московские послы находили тогдашнее грузинское перстосложение в крестном знамении и священническом благословении неправильным. При патриархе Иосифе учение о двуперстном крестном знамении вносится в разные наши печатные церковные книги, а патриарх Никон в начале своего патриаршества и сам употреблял двоеперстие, как об этом прямо свидетельствует митрополит Игнатий тобольский*****.

* Различные доселе известные редакции так называемого Феодоритова Слова напечатаны в "Братском слове".

** Там же.

*** Это Слово Максима напечатано в Кирилловой книге, л. 184 об.

**** митр. Макарий. История русской церкви. СПб., 1881, т. 10, с. 72.

***** С. А. Белокуров. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию //Христианское чтение. СПб., 1884 г., март-апрель, с. 443 - 488.

***** Приезжавшие в Москву восточные патриархи, говорит Игнатий, "видят сего всесвятейшаго господина Никона, крестное знамение на себе положша двоеперстным сложением (понеже и великая достоинства, *еси от мала и до велика* от тех (иосифовских) книг, начата двоицею перстов на себе крест изобразати)" изобличили его в неправоте

Таким образом, такое авторитетное лицо в Московской Руси, как ученый Максим Грек, такие выдающиеся, учительные и по тогдашнему времени ученые митрополиты, как Даниил и Макарий, а затем наши московские патриархи Иов, Филарет, Иоасаф, Иосиф и Никон в начале патриаршества и, наконец, даже целый собор русских иерархов (Стоглавый) неопровержимо и согласно свидетельствуют, что в Московской Руси с конца XV до половины XVII века общеупотребительным и признаваемым всей церковью за единственно правильное перстосложение в крестном знамении было двуперстное. Все попытки православных полемистов с расколом поколебать этот факт, их попытки все те дошедшие до нас редакции в учении о перстосложении, в которых заключается какая-либо неясность и неопределенность, истолковать в пользу существования у нас троеперстия (как общепризнаваемого обычая) оказываются решительно неудачными, ибо они не могут привести в пользу троеперстия ни одного авторитетного свидетельства в роде тех, какие имеет за себя двоеперстие. Нужно признать, как того требует историческая истина, что факт существования в Московской Руси двоеперстия стоит твердо и неопровержимо. А отсюда само собой становится понятным, что иосифовские справщики, внося в наши церковные печатные книги учение о двоеперстии в крестном знамении, никак не могут нести за это ответственности, никак не могут подвергаться за это порицанию и укоризнам, ибо они ратовали в этом случае за общеупотребительный и всей церковью признаваемый тогда обычай, который в то время еще ни с чьей стороны не подвергался сомнению.

Если неудачны и совсем противны исторической истине все попытки наших полемистов с расколом поколебать факт существования в Московской Руси двоеперстия как господствующего и общецерковного обычая, то точно так же очень неудачны и их попытки объяснить, откуда и когда возник в Московской Руси этот обычай, который они считают неправым, только простым искажением древнейшей и единственно правой формы перстосложения троеперстной. При объяснении, откуда и каким образом в Московской Руси могло появиться неправое перстосложение в крестном знамении, нашим полемистам приходится при их нежелании быть беспристрастными, при их неохоте серьезно и научно изучить интересующий их вопрос, прибегать иногда к очень смелым и даже фантастическим предположениям, которые, несмотря на всю их очевидную несостоятельность и непригодность, выдаются, однако, за несомненную историческую истину. Таково, например, старинное предположение, что двоеперстие есть будто бы армянское перстосложение* и перешло на Русь от армян, или новейшее предположение, что двоеперстие явилось у нас благодаря хитрым проискам папства**. Но уже одна возможность делать подобные предположения - объяснять церковные обычаи древней православной Руси влиянием каких-то армян или происками латинства - указывает на полное безнадежное положение тех, которые принуждены прибегать к таким предположениям.

* Хотя известно, что греки всегда укоряли армян в употреблении в крестном знамении только одного перста, какой армянский обычай греки и приводили в связь с склонностью армян к монофизитству. Об этом скажем ниже.

** Так объясняет дело свящ. Виноградов в своем сочинении "О Феодоритовом Слове". Москва, 1866 г.

Более осторожные серьезные историки-полемисты для объяснения происхождения у нас двоеперстия не ссылаются уже на армян и латин, а подыскивают более вероятные и удобоприемлемые предположения. Невежество древней Руси - вот кто, говорят они, истинный виновник появления у нас двоеперстия, наше собственное невежество переделало древнее троеперстие в двоеперстие, оно же и приняло и держало свою переделку, как древний и единственно правый обычай, армяне же и латиняне тут не при чем*.

* Наш новейший и лучший историк русской церкви митрополит Макарий поместил в "Братском слове" (за 1875 г.) статью "Правило Стоглавого собора о двуперстии с исторической точки зрения", в которой появление у нас двоеперстия думает объяснить смешением сложения перстов в крестном знамении и в священническом благословении. "Какому-нибудь грамотею, - говорит он, - любившему поумствовать, легко могло прийти на мысль, зачем это в церкви употребляется два разных перстосложения для

благословения и крестного знамения, когда совершенно удобно совместить их в одно, без всякого нарушения их внутреннего смысла?.. Родившись в голове какого-либо грамотея, такая мысль могла найти сочувствие и между другими, подобными же грамотеями и чрез них мало-помалу распространяться. Или дело совершилось еще проще: какой-либо благочестивый христианин, рассуждая о различии между тем перстосложением, которое употребляют пастыри церкви для благословения верующих, и тем, которое употребляют все верующие для крестного знамения, мог остановиться на соображении, что первое перстосложение, как употребляемое пастырями церкви, должно быть более священным и сильным пред Богом, а вслед за тем перейти к выводу, что гораздо лучше и целесообразнее это же самое пастырское перстосложение употреблять и всем верующим для крестного знамения. И эта мысль, подобно изложенной нами выше, как не противная вере и благочестию, могла также найти себе последователей между верующими и послужить началом для постепенного распространения двуперстно-троеперстного перстосложения для крестного знамения, по крайней мере в виде частного обычая".

На таком, по-видимому, очень вероятном и удобоприемлемом объяснении обыкновенно и успокаивается большинство полемистов. Но и это объяснение в действительности так же мало вероятно и справедливо, как и объяснение происхождения у нас двоеперстия с помощью влияния армян или латинян. Конечно, старое московское невежество сделалось у нас общим местом и отрицать его невозможно, но в то же время не следует и злоупотреблять им. Как бы ни был низок уровень развития русских с конца XV до первой половины XVII века, все-таки дело в этом отношении никогда не доходило до того, чтобы русские архипастыри, между которыми всегда находились и люди сведущие, не сумели отличить даже в сфере церковного обряда древнее и истинно православное от недавнего невежественного измышления. Пусть в этом случае заблуждались, вдавались в невольный обман отдельные лица, но как же мог обмануться и притом очень грубо целый собор русских иерархов?

Ведь Стоглавый собор имел в виду именно исправить поисшатавшиеся в последнее время церковные обычаи, уничтожить всякую вкравшуюся в церковную жизнь новину; ведь председатель Стоглавого собора, митрополит Макарий, руководивший соборными обсуждениями, был известным любителем-собирателем и большим знатоком русской церковной древности, а между тем руководимый им собор узаконяет, вопреки старине и всякой правде, такие новоизмышления невежественных грамотеев, которые появились только недавно, так сказать, на самых глазах отцов собора, и которые были очень несогласны с действительно древними церковными обычаями, доселе практиковавшимися в русской церковной жизни. Признаемся, что подобное отношение к делу со стороны наших полемистов с расколом и со стороны некоторых наших историков, по нашему мнению, никак не может быть извиняемо и оправдываемо хотя бы самыми остроумными и бойкими рассуждениями о повальном русском невежестве, об удивительной и совершенно нам непонятной слепоте всех отцов Стоглавого собора. Мы думаем, что представители русской церкви настолько-то всегда были сведущи, чтобы

уметь отличить древний, доселе признаваемый всей церковью православный обряд от другого или неправославного или только что новоизмышленного каким-то неизвестным невеждой: думать иначе - значит, по нашему мнению, слишком уже презрительно относиться к представителям нашей древней церковной иерархии, значит иметь о православии и христианском понимании вообще наших предков и всей русской церкви чересчур уже низкое представление, неоправдываемое действительностью.

Что двоеперстие вовсе не было измышлением невежественных московских книжников и грамотеев и что вообще оно не было принадлежностью только невежественной Московской Руси, на это мы имеем прямые и решительные доказательства.

По указаниям наших библиографов, в Киеве в 1584 году было напечатано небольшое сочинение под заглавием "Максима инока, како подобает знаменоватися крестным знамением"*. В действительности это не есть Слово Максима о крестном знамении, но произведение неизвестного автора, хотя в нем самое учение о перстосложении изложено согласно с Максимом, именно: "Совокуплением трех перстей, сиречь палца и еже от средняго и малаго тайну исповедуем богоначальных триех испостасех Отца, Сына и Духа Святаго, единого Бога трое. Протяжением же долгого и среднаго, сшедшеся два естества во Христе, сиречь самого Спаса Христа исповедуем совершена Бога и съвершена человека в двою существу и естеству веруемаго и познаваемаго...". В 1596 году в Вильне была напечатана Лаврентием Зизанием Азбука, в приложении которой помещено было сочинение его брата Стефана Зизания под заглавием "Изложение о православной вере". В конце этого изложения веры находится особая статья "О знамении крестном", в которой заключается следующее учение о перстосложении в крестном знамении: "Зложение великаго палца здвомя малыми значит святую Троицу, а склонение того, што при великом до средняго, значит в прирожени и истности в Христе. Положение правые руки на чело значит двое: предъвечное от Бога Отца Сыново рождество и тоеже звысокости зышол, а што на пуп, значит иже тойже Сын Божий зступил на землю и въчеловечился от панны чистой святой Марии и злюдми жил, распят, умер, въскрес в третий день, и взнесся на небеса, седит одесную Отца, але еще не конец. А обвожение руки правой перве на правое плече, а потом изправаго на левое, значит иж в судный день справедливыи на правици Бога будут стояти, а грешныи на левици и тое значит иж тогды справедливыи изнесут суд на грешных, правица бо вем в судный день левицу звалчит, а не левица правицу. Ныне бо вем львица правицу преследует, а тогды праведницы не только людей грешных, але и аггелов згрешивших осудят, ищи в евангелии, от Марка глава 19, Луце глава 22 и к Коринфянам 1 послание глава 2, мудрость Соломония глава 3"**. В 1602 году в Вильне была напечатана книга под заглавием "О образех, о кресте, о хвале Божией и о хвале и о молитве святых и о иных артыкулах веры, единое правдивое церкве Христовы". В этой книге, в пятой главе, о крестном знамении между прочим говорится: "Злучением трех палцов посполуто есть великаго и малаго и третего, што подле малаго, исповедуется таемница божественных трех испостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единого Бога в трех лицах. Протягнением же двох палцов - вышняго и средняго, показуется таемница самого Господа нашего Иисуса Христа, иж есть досканалый Бог и досканалый был человек

нашого для спасения. Также зложивши палцы первой кладем руку на голову, албо на чоло, визнаваючи, иж една правдивая и вечная наша голова Христос есть, яко апостол молвит: Господа нашего Бог Отец дал голову вышей всех церкви, которая есть тело его. Потом же кладем руку на живот, исповедуючи снитие его на землю, и еже в пречистом животе Богоматере безсеменное зачатие Его, тот бо прошел утробу ее, яко солнце скло, неврежаючи ключа девы рожеством своим. Потомуже кладем на правое плече, визнаваючи иж седит на правицы Бога Отца, прочее жду... аж положатся врази его подножие ног его. Потомуже на левое плече кладем, образуячи, иж придет еще во второе на суд и въздает на левицы сущим муку вечную, а на правицы сущим живот вечный. Также перекрестивше лице свое знамением крестным, кланяемся Богу, абы нас леваго стояния избавил, а благословение свое дал нам". Около двадцатых или в двадцатых годах XVII столетия в Киеве была напечатана книга под заглавием "Книга о вере, о вере единой святой соборной апостольской церкви", во второй части которой, в статье "О знамении крестном", говорится: "Злучением трех палцов посполу, то есть великаго и малаго, и третего, што подле малаго, исповедуется таемница божественных трох испостасей: Отца, Сына и Святаго Духа, единого Бога в трох лицах. А протяжением двох палцов, вышнего и среднего, показывается таемница Бога слова втеление Господа нашего Иисуса Христа и двох натур бозской и человеческой случение под единою особою" и т.д; вполне согласно с приведенной сейчас выдержкой из книги "О образех, о кресте, о хвале Божией... и о иных артикулах веры". Не только в печатных книгах, но и в разных южнорусских рукописных сборниках, где только говорится о крестном знамении, всегда содержится учение о двоеперстии. Так, оно находится в тех многочисленных сборниках, которые известны под именем Литовских Просветителей, оно содержится и в той рукописной южнорусской Книге о вере, сочинении киевского Михайловского игумена Нафанаила, которая в простом дословном переложении была потом напечатана в Москве в 1648 году***.

* Оно находится в Моск. Румянц. музее.

** Азбука Зизания находится в Румянц. муз.

*** Именно в ней учение о перстосложении излагается так: "Зложение трех палцов правой руки посполу то есть великаго и малаго и третьяго, што подл маляго исповедуется таемница божественных трох ипостасей: Отца, Сына и Св. Духа, единого Бога в триех лицах. Протягнением же двох палцов - вышняго и средняго показуется таемница самага Господа нашего I. Христа, иже есть досконалый Бог и досконалый был человек нашего деля спасение" и пр., как это изложено в московской печатной Книге о вере, в которой московские издатели не прибавили и не изменили от себя ни одного слова.

Из приведенных нами свидетельств, заимствованных из печатных и рукописных южнорусских книг, появившихся ранее московской печатной Псалтыри 1642 года, в которой в первый раз было напечатано учение о двоеперстии в крестном знамении,

оказывается, что и Киевская Русь так же, как и Московская, держалась до половины XVII века того же двоеперстия, и что в киевской ученой литературе до половины XVII века свидетельств за троеперстие решительно не имеется. Ввиду этих неопровержимых данных видеть в двоеперстии специальный продукт московского невежества, измышление невежественных московских грамотеев оказывается решительно невозможным, так как двоеперстие признавали правым, открыто его проповедывали и в первый раз внесли его в свои печатные книги южнорусские ученые, уже по примеру которых и иосифовские книжные справщики внесли учение о двоеперстии в московские печатные книги, заимствовав у киевлян и самую редакцию в изложении этого учения. Что же касается того вопроса - откуда взялось двоеперстие и в Киевской Руси, то ответ на это, по нашему мнению, может быть один: двоеперстие существовало в древней Руси как общий обычай, еще до разделения митрополий, с самого начала введения у нас христианства, а потом в качестве древнего и всеми признанного обычая оно удержалось и на севере и на юге и после разделения митрополий, вплоть до самой половины XVII века, когда сначала в Киевской Руси (при Могиле), а потом и в Московской (при Никоне) произведена была однородная церковная реформа, приведшая русские церковные чины и обряды в соответствие с современными греческими. Такое предположение необходимо сделать ввиду того, что Киевская Русь в церковном отношении, с первых времен введения у нас христианства до конца второй половины XVII века, всегда находилась в зависимости от константинопольского патриарха, под его высшим ведением и водительством.

Восточные патриархи не раз принимали самое живое и деятельное участие в церковной жизни южной Руси, не раз бывали в ней сами лично, не раз посылали туда своих экзархов. Кроме того, в южной Руси почти непрерывно жили разные греческие епископы, жило в ней всегда много и других греков и между ними бывали и люди ученые, которые, как, например, протосингел александрийского патриарха Иосиф, принимали даже прямое и непосредственное участие в исправлении южнорусских церковных книг с греческих. При таких условиях в южнорусской церкви никак не могло появляться, а тем более так долго существовать двоеперстие в крестном знамении, если бы оно действительно было только позднейшим новоизмышленным искажением единственно правой и единственно древней формы перстосложения - троеперстной. Если же греки, сами уже употреблявшие в XVI и XVII столетиях троеперстие, оставляли однако у киевлян двоеперстие, то это показывает, что они видели в русском двоеперстии древний, прочно установившийся и потому привычный для народа обычай и притом такой, в котором они, греки, не находили ничего предосудительного или несогласного с истинным православием.

О существовании двоеперстия у других славянских православных народов, кроме собственно русских, имеются некоторые положительные данные. В 1650 году известный старец Арсений Суханов, сопровождая из Москвы иерусалимского патриарха Паисия и прибыв с ним в Молдавию, остановился в метохе сербского афонского Зографского монастыря. Игумен и братия этого метоха, которые были сербы, говорили Суханову, что греки и афониты сожгли на Афоне московские печатные книги по следующему случаю: "Некто у них был старец честенсербен, житием был свят и во всем искусен и леты стар,

жил в ските и держал книги московские у себя и крестился крестным знаменем по московскому, как писано в книге Кирилла Ерусалимского, что напечатана в Москве да и прочих де тому же учил". Узнав об этом, греки-афониты призвали старца на собор к ответу и называли московские книги еретическими. И он де им говорил, *"что есть у них книги старинные сербские письменные, а в них де писано о крестном знамени так же, как и в московских. И тое де книгу письменную, сыскав, принесли на собор и спущали с московскою печатном книгою и все де сошлось слово в слово против московской печати, а та де книга, как писана 130 лет тому"*. И московские печатные книги и сербскую старую рукописную книгу, в которой заключалось учение о двоеперстии, греки-афониты сожгли, причем главным деятелем в этом явился охридский архиепископ Даниил, который в то время случился на Афоне. Суханов собрал о сожжении русских книг на Афоне точные сведения от очевидцев, и так как Даниил охридский в это время уже находился в Молдавии, то он и был привлечен к ответу иерусалимским патриархом Паисием, которому жаловался на него Суханов. Даниил, уличаемый очевидцами, в присутствии патриарха, Суханова и других дал такое показание: *"Было де во Афонской горе так: собралися старцы на сербского старца Дамаскина именем, что он крестится не по-гречески и иных тому учит, и того де старца поставя на соборе, допрашивали, откуда он тому научился? И он де указал на сербскую на письменную книгу, что в ней так писано креститься. И тое де книгу, взем у него, сожгли, а та де книга старинная сербская, тому 130 лет как написана и тому де есть письмо, zde прислано из Афонской горы к митрополиту Стефану Торговищскому"**. С своей стороны и старец Чудова монастыря Пахомий, так же, как и Суханов, сопровождавший из Москвы иерусалимского патриарха Паисия, доносил государю: *"А за крестное воображение и за книги, которые пожгли (на Афоне), говорил вопреки и против правил святых отец стоял святые Афонские горы старец Феодор, житием духовен, и греческие, государь, старцы хотели иво убить до смерти"*. Григорович при посещении им Афона на одной книге Хиландарского монастыря прочел заметку, что в 1650 году, когда на Святой горе происходили прения о крестном знамени, *"сожегоше книги московския на карчи-ахьгръци и духовника Дамаскина и попа Романа и ученика их Захарию в темницы затворише и глобиши их 60 гроши. Оле беда от лукаваго рода гръчскаго! Мца маиа ки велие безчестие соториша васем серблем и болгарам"*. Отрицать после этих свидетельств тот факт, что сербы афониты около половины XVII века потому именно стали на сторону московского двоеперстия против современного греческого троеперстия, что находили учение о двоеперстии и в своих старых письменных книгах, неудобно.

* Статейный список Суханова.

Другое, еще более решительное свидетельство об употреблении православными сербами двоеперстия в крестном знамени заключается в следующем: в 1618 году в Угорцах была напечатана книга под заглавием *"Собрание въкратце словес от божественнаго писания и*

з'об'ясненієм изложєнія святих апостол одунадесяти артыкулов православной веры. Выдруковано коштом и накладом блогочестиваго его милости Александра Шептицкаго Зшептичь, працею и старанием иеромонаха Павла Домжива Лютиковича и еродиякона Селиверста. В Угорцах, року 1617 мца марта 30 дня". В этой книжке, представляющей нечто вроде краткого катихизиса, на первой же странице находится статья "О знаменіи крестном", в которой учение о перстосложении изложено так: "Зложение великаго пальца здвома малыми значит Святую Троицу, склонение того, што при великом до средняго, значит две натуре и истности вы Христе. Положенъе правой руки на чело значит двое: предвечное от Бога Отца сыновне рождество и тое же звысокости зышол" и так далее вполне сходно, исключая некоторых отдельных слов, с изложением учения о троеперстии Стефана Зизания, как оно было изложено в прибавлении в Азбуке 1596 года. Понятное дело, что православные сербы не могли бы печатать и пользоваться этой книжкой, если бы видели в ней на первой же странице неправославное учение о перстосложении, противоречившее существовавшему всегда у них обычаю троеперстия. Если же они могли решиться печатать в своих учительных книгах учение о двоеперстном крестном знаменіи, вопреки тогдашнему греческому троеперстию, то, конечно, только потому, что находили оправдание для этого в своей собственной церковной практике, могли сослаться на свои древние книги (как это было на Афоне), подтверждающие двоеперстие.

На вопрос, откуда же у русских и у других православных славян взялось двоеперстие в крестном знаменіи, ответ, очевидно, может быть один - они могли заимствовать двоеперстие только у своих общих просветителей христианством греков. Так именно и заявили об этом противники церковной реформы Никона, которые уверяли, что будто бы в древнее время и сами греки употребляли в крестном знаменіи двоеперстие, которое они и передали русским, что будто бы и сами греки в относительно недавнее только время переменили двоеперстие на троеперстие. Дьякон Федор говорит: "...у них (греков) говорили по дважды и аллилуйю*, и сложение перст имели якоже мы; но недавно изменили, смущаеми от римских наук". Во время прения о перстосложении с Афанасием, митрополитом иконийским, дьякон Федор говорил ему: "И у вас таковаго мудрования (т.е. троеперстия) преже сего не бывало при прежных святейших патриархах православных, до иподиякона вашего Дамаскина, от негоже вы книги прелстистесь... Мы в православном сложении перстов во знаменіи крестном на четырех ваших святих ссылаеми и тем веруем". Он же говорит: "Самого конархиста Гроба Господня, именем Павла, видех на Москве бывша в 174-м году, и с ним много беседовах о всем, он же сказа ми: патриарх де Иерусалимский по-старому слагает персты, за кое знаменіе крестное вы ныне почали страдати... А цареградский де патриарх благословляет по-новому, малаксиным сложением. И обе руки их начертал ми на бумаге пером... И о щепотке в греческих книгах старых отнюдь несть, разве новаго некоего безъимяника иподиякона Дамаскинскаго". Старец Симонова монастыря Серапион на допросе показывал в 1666 году, что он спрашивал иконийского митрополита Афанасия про греческие церковные обычаи и Афанасий будто бы говорил ему, что у греков младенцев крестят через обливание и что греки в настоящее время употребляют троеперстие, "а в старину де и у них в греках крестились двема персты; и то де у них оставили, и назвали тот крест

армейским крестом, и ныне де у них в греках два персты не знаменуются, а знаменуются де тремя персты вышними, во образ Святыя Троицы". Инок Авраамий говорит: "А еже ссылаются на грек о сложении трех перст, - и тамо сия у них недавно вселилася прелесть, всего осемьдесят лет. А преже того отнюд не было сия и некоторой богословец и учитель церковный не написал нигде, ни предал тремя персты креститися, понеже хулно есть и нечестиво, арменское то, а не христианское". "И егда, государь, вопрошаеми от нас о своем их мудровании: кто вам предаде сие и кто вас научи сему, еже Троицею крест вообразати? и ссылаются на неведомаго человека, Дамаскина именем, иподьякона, студита, что он так мудрствовал и написал. А тот их Дамаскин неведомо кто, и во святых не слышим его". Тот же Авраамий пишет: "Где бо таково неправедно речеся, или предадеся когда, еже тремя персты креститися? От апостол ли? - Никакоже. Или которым от святых отец? - Никогда же обрящете, кроме отступника папы Фармоса. Он бо тако мудрствовал; и другой учитель Дамаскин иподьякон так же написа, о немже ниже слышахом когда преже сего, ни отцы наши возвестиша нам. И ни кий, государь, учитель новый (не согласует) со святыми и богоносными отцы, древле предавшими нам единою сие таинство, но со армены единомудрствуют. Они бо, зловернии, тако тремя персты прекрестят лице свое без воплощения Христова".

* Что у греков действительно в древнее время употреблялась и сугубая аллилуйя, см. об этом прекрасную статью Николаевского.

Имели ли какое-либо действительное основание указанные заявления противников Никона о том, что будто бы ранее и сами греки употребляли двоеперстие в крестном знамении и что будто бы троеперстие появилось у них относительно очень недавно?

Как известно, патриарх Никон обращался к константинопольскому патриарху за решением разных церковно-обрядовых вопросов, и между прочим относительно перстосложения в крестном знамении и в иерейском благословении. Никон получил на свои вопросы ответ от целого Константинопольского собора, так что на этот ответ следует смотреть как на официальное выражение взгляда всей константинопольской церкви на интересующий нас вопрос. Патриарх Паисий от имени Константинопольского собора пишет Никону: "На двадцать четвертый (вопрос), в котором спрашиваете, как подобает христианину изображать свой крест, т.е. какими перстами, отвечаем, что мы все имеем древнее обыкновение по преданию поклоняться, имея первые три перста соединенными вместе в образ Св. Троицы, просвещением которой открыта нам тайна домостроительства по плоти, или научены славить единого Бога в трех ипостасях, Отца и Сына и Св. Духа, и да сораспнемся вместе со крестом Господа нашего Иисуса, Сына Божия, сшедшаго с небес и вочеловечшагося и плотию пострадавшагося ради спасения нашего. Да это и основательно, поелику чрез соединение трех перстов мы воспоминаем тайну Св. Троицы, а тем, что изображаем на себе крест Господень, напоминаем страдание и воскресение Его, с которыми и ради которых призываем от Бога помощь". Вот и весь ответ патриарха

на вопрос Никона о сложении перстов в крестном знамении. Патриарх Паисий, конечно, хорошо понимал, что Никон, ввиду неодинаковости перстосложения в крестном знамении у русских и у греков, требовал от него решительно высказаться о том, какое перстосложение истинно древнее и правое: русское ли двоеперстное или греческое троеперстное; знал он, конечно, и то, что русские придают этому вопросу чрезвычайно важное значение, и однако в своем ответе он только указывает на существующий у современных греков обычай и на его полное соответствие с православным вероучением, вовсе не утверждая в то же время, что современное греческое троеперстие есть единственно правое и всегда исключительно употреблявшееся в православной церкви перстосложение, не говорит, чтобы русское двоеперстие было и не древнее и не правое. Ответ патриарха можно перевести таким образом: греки употребляют в крестном знамении троеперстие и они вполне правы, потому что исповедуют этим правое православное вероучение, а русские могут держаться своего векового обычая - двоеперстия и будут также правы, если они, конечно, соединяют с этим правую православную мысль. Более определенно и решительно патриарх Паисий высказал свою мысль о том или другом способе перстосложения в крестном знамении в следующем ответе на вопрос Никона относительно способа сложения перстов в архиерейском и иерейском благословении. Что касается сложения перстов в архиерейском и иерейском благословении, пишет патриарх Паисий Никону, "то церковь благословляет всех, изображая иерейскою рукою имя Мессии, или, что то же, имя Иисуса Христа, именно: изображая *i* и *c* - что в сокращении значит Иисус, и *x* и *c* - что в таковом же сокращении означает Христос. А какими перстами кто начертывает эти четыре буквы, это безразлично, лишь бы благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение нисходит от Иисуса Христа при посредстве руки священника и что Иисус Христос сам дает благодать благословения по прошению того, кто ищет ее с верою. Но приличнее делать так, как изображается Христос благословляющим на иконах, поелику такая форма перстосложения отчетливее выражает имя Иисус Христос, именно: большой палец, т.е. первый и четвертый, будучи соединены вместе, изображают Иисуса, а два (второй и третий) стоймя с небольшим наклоном одного из них *x*, и малый последний *c*, что значит Христос. Впрочем, то же самое будет означать, если будут держать и два последние перста (приклоненными) книзу в форме двух *c c*, три же первые стоймя, как изображающие *ix*, - и это не делает никакого различия". Таким образом, патриарх Паисий, отвечая на вопрос относительно перстосложения в иерейском благословении, прямо и решительно говорит, что оно имеет в виду изобразить иерейскою рукою имя Мессии, а какими это будет сделано перстами - дело безразличное, и тем ясно дает понять, что константинопольская церковь, от лица которой говорит патриарх, сущность дела полагает здесь не в том или ином перстосложении, а в самой мысли, выражаемой им, так что если человек держит правильную мысль, то уже совершенно безразлично будет, как он и какие именно персты слагает. Само собой понятно, что если относительно важнейшего архиерейского или иерейского благословения вполне допустима свобода того или другого перстосложения, то тем более, конечно, эта свобода допустима относительно обычного знаменования себя крестом каждым христианином, лишь бы только мысль, выражаемая тем или другим перстосложением, была строго православна.

Вот точка зрения православной константинопольской церкви на то или другое перстосложение в крестном знамении и в архиерейском благословении, официально выраженная в соборном послании константинопольского патриарха Никону. Этим вполне объясняется то явление, что константинопольская церковь, сама употребляя в последнее время исключительно троеперстие, в то же время допускала существование двоеперстия и в Московской и в Киевской Руси и у сербов и вовсе не предпринимала каких-либо мер для замены его у них троеперстием, так как она знала, что с двоеперстием русские и сербы соединяли ту же самую православную мысль, что и греки с троеперстием. Но была в этом деле и другая сторона.

Простое заявление константинопольского патриарха, что греки употребляют по преданию древнее обыкновение креститься тремя первыми перстами во образ Св.Троицы, без всякого подтверждения этого положения каким-либо доказательством, кроме указания на заключающееся в нем православное учение, очевидное нежелание патриарха сказать, что русское двоеперстие не есть такое же древнее обыкновение, как и греческое троеперстие, его очевидное преднамеренное стремление внушить русским ту мысль, что то и другое перстосложение в существе дела совершенно безразлично, лишь бы только им выражалась православная мысль, ясно показывает, что ученый Мелетий Сириг, которому принадлежит составление соборных ответов на вопросы Никона, хорошо знал, что в православной вселенской церкви перстосложение в крестном знамении было в различное время неодинаково, что русское двоеперстие некогда существовало и у самих греков, от которых оно вместе с принятием христианства и перешло к русским. Именно этим и объясняется то обстоятельство, почему константинопольский собор в своих ответах Никону никак не мог сказать того, что единственно древняя и православная форма перстосложения в крестном знамении есть только троеперстная, современная греческая, и что русское двоеперстие по отношению к греческому троеперстию есть уже позднейшая, искаженная форма перстосложения, хотя Никон в своих вопросах и требовал, конечно, именно того, о чем решительно умалчивает собор, т.е. желал знать, какое перстосложение древнее и правильное - греческое или русское - двоеперстное или троеперстное.

Что у греков в древнее время вместе с другими формами перстосложения существовало и двоеперстие, на это имеются прямые данные. Так, один грек XII века обличает латинских архипастырей в том, что они благословляют пятью перстами, а знаменуют себя подобно монофелитам одним перстом, "между тем как персты в знаменованиях должны быть располагаемы так, чтобы ими обозначались два естества (в Христе), а три лица (в Божестве)".* Монах Петр из Дамаска, писавший около 1157 года (хотя некоторые думают и утверждают, что он жил гораздо ранее), говорит, что в крестном знамении "два перста убо и единая рука являют распятого Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству и в едином составе познаваема". Но более раннее и очень важное свидетельство об употреблении греками двоеперстия в крестном знамении принадлежит несторианскому митрополиту Илье Гевери, жившему в конце IX и в начале X века. Желая примирить монофизитов с православными или мелхитами, как обыкновенно сирийцы несториане и

монофизиты называют православных, и с несторианами, он говорит: "в согласии веры между несторианами, мелхитами и яковитами: что они не согласны между собой в изображении креста, что, конечно, неважно. Именно, одни знамение креста изображают одним перстом, ведя руку слева направо; другие двумя перстами, ведя, наоборот, справа налево. Яковиты, осеняя себя одним перстом слева направо, означают этим, что веруют в единого Христа - превел искупленных от греха (слева) к благодати (направо). Несториане и мелхиты, изображая крест в знамении двумя перстами - справа налево, исповедуют тем свое верование, что на кресте Божество и человечество были вместе соединены, что это было причиной нашего спасения и что вера началась с правой стороны, а неверие, заблуждение прогнаны с левой". Это ясное и определенное свидетельство об употреблении греками в X веке двоеперстия в крестном знамении наши полемисты с расколом стараются всячески отвергнуть на том основании, что под мелхитами следует будто бы разуметь вовсе не православных, а каких-то неведомых для истории еретиков. Так, о. Виноградов в своем сочинении "О Феодоритовом Слове" говорит: "мелхиты почему-то в статье о крестном знамении, помещенной в Чтен. Общ. Ист. 1847г., №7, названы *православными*". Почему преосвященный Филарет черниговский, автор упомянутой статьи о крестном знамении, называет мелхитов православными, это понятно. Ассеман, у которого Филарет черниговский и О.Виноградов берут приведенное выше свидетельство Ильи Гевери, в главе, где находится это свидетельство, прямо говорит, что некоторые несторианские обряды очень сходны с обрядами мелхитов или греков, что несториане *ritum Graecum sequuntur*, и затем говорит между прочим, что несториане изображают крест "*по обычаю греков*", в доказательство чего и приводит свидетельство Ильи Гевери о том, что мелхиты и несториане крестятся двумя перстами.

* Cotelerio. Graecae monumenta, t.3, p. 500 - XXIV, 502 - XXXVI, 507 - LVI1, 508 - LVIII и 670.

Что под мелхитами нужно разуметь православных и, частнее, православных греков, это с несомненностью следует и из других мест Ассемана, где он только говорит о мелхитах. По поводу небесного огня, сходящего в Иерусалиме в великую утреню на Гроб Господен, он говорит: "не волею Бога, а волею тварей делается это чудо: это ясно из того, что *патриарх мелхитов* в какое хочет время входит и зажигает свечи в двух лампадах, скрытых в запертом святом гробе, как рассказывал мне один армянский патриарх, семь лет проживший в Иерусалиме и входивший для возжжения огня вместе с *патриархом мелхитов*". Ясно, что в данном случае патриархом мелхитов назван не кто иной, как православный иерусалимский патриарх. На это далее и указывает сам Ассеман, когда говорит: "Quaresmius говорит, что огонь возжигается абиссинцами, а не патриархом *мелхитов или греков*". Армянский митрополит конца XIII и начала XIV века "Ebedjesus Sobensis", различив три секты христиан, именно яковитов, мелхитов и несториан, об мелхитах прибавляет: другая, которая признает два естества и одно лицо в Христе, называется сектой *мелхитов*, так как установлена силой императором; и ее

приняли римляне, которые называются франками, и константинопольские греки и все северные народы, именно рушены (русские), аланы, Черкассы, asiani, грузины и другие их соседи. Франки же отличаются от них тем, что считают Св. Духа исходящим от Отца и Сына и для жертвы употребляют опресноки".

* И в других местах Ассеман называет греков мелхитами: "те же ступени посвящения и у греков-мелхитов в антиохийском патриархате", "обряд благословения архидиакона относится к антиохийской церкви греков-мелхитов"; "ограниченная власть хорепископа и периодевта у греков-мелхитов, сирийцев несториан и яковитов" Ibid., p. DCCCXXXII, DCCCXLIII.

И другие ученые, например Combefis, под мелхитами понимают православных, или всех тех, которые вопреки еретикам-монофизитам признали Четвертый вселенский собор. Он говорит: "одни, последовавшие православной вере, собору и царю Маркиану, были названы мелхитами, т.е. царскими, потому что мелхи по-сирски и по-еврейски значит царь"*.

Наши полемисты с расколом в подтверждение того, что под мелхитами следует понимать еретиков, а не православных, ссылаются на старопечатную Кормчую, в которой приводятся следующие слова Димитрия, митрополита кизического (911 - 919 г.), "о яковитех и о хацыцарех": "другая ересь мелхите нарекошася, иже благочестивому царю Маркиану последовавшие, мелхий бо царь сказуется: сии же и хацыцари, иже токмо в крест веруют, по языку бо их хацы крест именуется"***.

* Combefis. Historia haeresis Monothelitarum, p. 265.

** Н. П. Виноградов. О Феодоритовом слове. М., 1866, с. 46.

Но вопрос в том, кто был благочестивый царь Маркиан, за которым последовали мелхиты и от которого они получили свое название? Это был греческий император Маркиан, супруг Пульхерии, который в 451 году собрал в Халкидоне Четвертый вселенский собор, осудивший монофизитов, которые с этого времени уже окончательно отделились от православной церкви, уверяя, что определения Халкидонского собора состоялись будто бы под давлением императора, почему они принявших этот собор и назвали от еврейско-сирского слова мелех-царь - мелхитами, царскими или по современному - роялистами. Очевидно, что следовать благочестивому царю Маркиану, т.е. быть мелхитами, значило быть православным, наоборот, не следовать Маркиану, т.е. не быть мелхитом - значило не быть православным. Ввиду этого уже само собой становится понятным, что православный митрополит Димитрий кизический никак не мог назвать мелхитов, "иже благочестивому царю Маркиану последовавшие", еретиками. Приведенное место Димитрия кизического с греческого читается так: "мелхитами были названы

последовавшие благочестивому царю Маркиану, ибо мелхи значит царь"*, и только. Вероятно, какой-нибудь позднейший славянский писатель, приводя это место из Димитрия кизического и видя, что он говорит о еретиках яковитах и тут же о каких-то непонятных ему мелхитах, счел и последних за еретиков наравне с яковитами и в этом смысле сделал от себя к словам Димитрия кизического пояснительную приставку из двух слов - "другая ересь", благодаря чему православные последователи благочестивого царя Маркиана совершенно неожиданно превратились в еретиков.

* Подлинный греческий текст приведенных слов Димитрия Кизического см.: Γ. Α. Ράλλη Μ.Τ. 4.1966.

Силу приведенных нами выше свидетельств в пользу существования у греков двоеперстия в X, XI и XII веках некоторые думают ослабить и тем еще соображением, что будто бы приведенные свидетельства если и говорят за существование двоеперстия, то только у одних сирийских христиан, живших среди монофизитов и несториан, так что на это явление следует смотреть только как на исключительно местный, специально сирийский обычай*, которого совсем не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, в которой двоеперстия вовсе не употреблялось. Но и такое понимание дела будет несправедливо и несогласно с действительностью. Мы имеем под руками такой факт, который ставит вне всякого сомнения существование двоеперстия в самой константинопольской церкви в начале XI столетия. Этот факт заключается в следующем: яковитский патриарх Иоанн VIII Абдон, живший в Антиохии, которая в то время принадлежала грекам, был обвинен милитинским митрополитом Никифором пред греческим императором Романом Аргиром в том, что будто бы Иоанн старается совращать греков в свою ересь. Император приказал привести Иоанна в Константинополь. В 1029 году 15 июня Иоанн Абдон с 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитскими в сопровождении обвинителя митрополита Никифора прибыл в Византию. Здесь патриархом константинопольским составлен был собор с целью обратить яковитов в православие, но они остались непреклонными в своем заблуждении. Тогда, говорит Ассеман, снова устроивши собрание, патриарх (греческий) и приглашенные епископы (греческие) приказали Иоанну Абдону патриарху и Елию, епископу симнадийскому, присутствовать (на соборе). Когда же после долгого спора не могли преклонить наших к своему мнению, потребовали от них единственно того, чтобы не примешивали елея в евхаристии и *крестились не одним перстом, а двумя***. Григорий Varhebraeus, яковитский патриарх конца XIII века, у которого Ассеман взял приведенное им известие, в своей "Хронике" о пребывании Иоанна Абдона в Константинополе рассказывает следующее: когда Абдон явился в Константинополь, то народ, благодаря неблагоприятным вестям, распущенным про яковитов митрополитом Никифором, бросал в яковитского патриарха и его свиту с крыш камнями. "Когда же предстали пред патриархом халкидонским в их большой церкви, того патриарха злоречивый митрополит

греческий убедил не вступать с ними (яковитами) в исследование о вере, так как они были чрезвычайно искусны в спорах, но не мог сделать, чтобы не спрашивали их. Итак, когда спрашивали, что же они исповедывали, наши принесли два свитка (две книги), написанные по-гречески и по-сирийски. Когда же раскрыли свитки, то греки ничего не могли прочитать в них. "Мы вас привели, - сказали противники (греки), - не затем, чтобы у вас учиться вере, но чтобы вас учить вере; исповедуйте вместе с нами две природы после соединения (*post unionem*)". А патриарх (яковитский) ответил: "Мы ни в чем не изменили исповедание наших отцов". Тогда сей злоречивый милитинец, поднимаясь, говорит: "Ты отвергаешь исповедание императора"*** - и ударил патриарха по щеке, ему сам блаженный подставил и другую. Таким действием многие из знатных греков были раздражены, опечалены и плакали и, вышедши, разошлись с ропотом. Патриарх же и его спутники были отведены в монастырь Mar-Mennaе и на следующий день в монастырь Григория. Потом, собравши другой собор, призвали патриарха (греческого) и епископов (греческих) и заставили присутствовать патриарха (яковитского) и Елию симнадийского. Когда же после многих собеседований увидели, что те с ними совсем не соглашаются, сказали: "Только не примешивайте ей к священной частичке *и не изображайте крест одним перстом, но двумя*"****.

* См. вышеупомянутую статью митрополита Макария в "Братском слове", с. 34, 35.

** Turn (inquit) facto rursus conventu Patriarcham (Graecorum) et episcopos accessentes, Ioannem Abden Patriarcham et Eliam Symnadae episcopum sedere iusserunt. Quumque post longam disputationem nostros in suam sententiam ilectere nequivissent, id unum ab iis postularunt, ne scilicet oleum Eucharistiae admiscerent, nere crucem unico digito, sed duobus formarent.

*** Греки, таким образом, отождествляли православие с верностью константинопольскому императору; в числе доказательств в пользу православия указывали на то, что его установили и исповедуют византийские императоры, почему яковиты и потом несториане и называли православных греков презрительно *мелхитами*, т.е. верующими по приказу царя. Гиббон говорит: "многочисленность и внешние признаки могущества давали латинянам и грекам некоторое право называть себя католиками; но на востоке им давали менее почетное название *мелхитов*, или роялистов, т.е. таких людей, верование которых основывались не на Свящ. Писании, не на рассудке и на традиции, а были установлены и поддерживались произвольно властью светского монарха. Их противники (т.е. яковиты и несториане) могли ссылаться на слова членов Константинопольского собора, объявивших себя рабами государя, и могли с злобной радостью рассказывать, как декреты Халкидонского собора были внушены и переделаны императором Маркианом и его целомудренной супругой".

**** Tantum modo, aiedant, ne misceatis oleum particulae consecrandae, *et ne crucem signetis uno digito, sed duobus*. Gregorii Barhebraei Chronicon Ecclesiasticum издан в трех

томах с латинским переводом и примечаниями. Приведенные нами сведения об Иоанне Абдоне взяты из первого тома, с. 426 - 430.

Таким образом, в 1029 году константинопольский патриарх вместе с другими греческими епископами, желая обратить в православие яковитского патриарха Иоанна VIII и его спутников, торжественно потребовал от них на соборе, чтобы они крестились не одним перстом, но двумя. Ясное дело, что в начале XI века как сам константинопольский патриарх, так и другие греческие иерархи в крестном знамении употребляли *двоеперстие, которое они и считали истинно-православным перстосложением*, вопреки монофизитскому одноперстию. Почему греки держались двоеперстия и почему они так настойчиво требовали от яковитян, чтобы те никак не крестились одним перстом, а двумя, - понятно. Употребление яковитами одного перста в крестном знамении находилось в тесной связи с их монофизитскими воззрениями на природу Христа. Ассеман в своей "dissertatio de Monophysitis", помещенной в начале второго тома его Bibl. Oriental., говорит: "Пратеол со слов Бернарда люксембургского, а со слов Пратеола Куалтерий Гофман пишут, что яковиты не веруют во Святую Троицу, но только в единство, в обозначение чего при крестном знамении знаменуют себя и осеняют одним перстом. Откуда они взяли такой обычай - не говорят. Но что он действительно был измышлен, это доказывают синодальные послания патриархов того народа к александрийским первосвященникам, равно богословские сочинения епископов и ученых, на которые я ссылаюсь в этом томе; наконец, сирийские литургии и богослужебные книги той секты, в которых ничто так часто не встречается, как исповедывание троичности лиц и единства божественной природы. Почему же знамение креста совершают одним перстом, причину этого указывает Давид, сын Павла, епископ яковитский, в диалоге de Trisagio в следующих словах: поелику Христос один, Божие слово, которое воплотилось, а не два и распят на одном кресте и один раз; посему крест изображаем одним перстом. Ту же почти причину, указанную самими яковитами, принимает и Яков Витрийский в Histor. Orient. Когда же я спрашивал, почему знаменовались только одним перстом, отвечали, что одним перстом обозначали единою божескую сущность, тремя же частями - Троицу, осеняя себя знамением креста во имя троичности и единства. *Греки же и сириане возражали им, что по причине единства природы, которую признавали во Христе, знаменовались только одним перстом.* Заметь, что не только противники яковитов, каковы греки и сириане, обвиняют их в том нелепейшем заблуждении, которое Пратеол и иные вышеупомянутые авторы им приписывают. Греки обличали латинян в том, что они крестят лицо одним перстом подобно тому, как это делают монофизиты, имеющие в виду обозначить этим единую природу Распятого". Combefis говорит**, что яковиты "придумали и то, чтоб одним перстом крестить лицо, как признающие во Христе одну природу". Gretseri говорит***, что одноперстие в крестном знамении "употреблялось некогда еретиками монофизитами в ознаменование единой природы во Христе, по свидетельству Никифора (lib. 18, с. 53)". В другом месте тот же писатель говорит: "Два перста (в крестном знамении означают) две

природы во Христе... ибо если еретики монофизиты одним перстом выражали еретически одну природу во Христе, почему не изображать православным, в противность еретикам, две природы (во Христе) *двумя перстами, обыкновенно употребляемыми при изображении креста*". Действительно, когда появилась ересь монофизитов, которая воспользовалась древнейшей дотоле употреблявшейся формой перстосложения - одноперстием для пропаганды своего еретического учения, стала смотреть на единоперстие как на символическое выражение своего учения о единой природе во Христе, тогда православные вопреки монофизитам стали употреблять в крестном знамении двоеперстие как символическое выражение православного учения о двух природах во Христе. Так случилось, что одноперстие в крестном знамении стало служить внешним, наглядным признаком монофизитства, двоеперстие - православия. Продолжительная и упорная борьба с монофизитством, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православных греков придавать особенное значение двоеперстию как видимому и понятному для всех знаку принадлежности известного лица к православной церкви, тем более, что в Сирии, Египте и некоторых греческих городах православное народонаселение было перемешано с монофизитским. Этим и объясняется, почему константинопольский патриарх и епископы, обращая в православие яковитского патриарха и его спутников, настойчиво требовали от них, чтобы они изображали крест не одним перстом, а двумя: по употреблению в крестном знамении двоеперстия или одноперстия заключали в то время и о принадлежности лица к православию или монофизитству. Борьбой и постоянным совместным жительством с монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстие так долго держалось и в константинопольской церкви и потом между сирийскими православными христианами и почему троеперстие, эта самая естественная для христианина форма перстосложения****, *могло сделаться в греческой церкви всеобщим господствующим обычаем только в позднейшее время*, когда уже окончательно прекратилась борьба с монофизитством; этим объясняется и то обстоятельство, почему в западной церкви, не соприкасавшейся непосредственно с монофизитами, троеперстие встречается ранее, чем у греков*****.

* Cotelerio. Ecclesiae Graecae monumenta, t. 3, p. 507, 508, 670.

** Historia haeresis monothelitarum, p. 266.

*** Opera omnia, t. 1, lib. IV, cap. I, p. 338 и cap. IV, p. 343.

**** Потому что троеперстием выражается основной догмат христианства - учение о троичности лиц в Божестве. С этой точки зрения и латиняне признают троеперстие за самую лучшую форму перстосложения. Так, Гретсер в вышеуказанном сочинении (t. 1, cap. IV, p. 343) говорит: "и не важно, всей ли рукой или тремя перстами изображать крест, хотя яснее изображение Троицы при троеперстном знамении".

***** Об употреблении в римской церкви троеперстия в крестном знамении говорят папа Лев IV (847-855), папа Иннокентий III (1198), Лука, епископ тудентский в Испании (f 1288) и

др. (Все эти свидетельства указаны в вышеупомянутой статье высокопр. Макария и в статье преосв. Филарета, архиеп. черниговского.

Таким образом, в греческой православной церкви, благодаря особым обстоятельствам (именно монофизитству), несомненно существовал очень продолжительный период времени, когда двоеперстие было в ней господствующей и преобладающей формой в крестном знамении; отрицать этот факт невозможно, да и нужды в этом, как увидим, нет никакой.

Из сказанного нами понятным становится, откуда и когда появилось на Руси двоеперстие и насколько виновато в нем московское невежество. В 1029 году сам константинопольский патриарх вместе с другими греческими епископами требовал на соборе от яковитского патриарха Иоанна VIII Абдона и его спутников, чтобы "они крестились не одним перстом, а двумя", требовал этого, конечно, потому, что правым и обязательным для православных перстосложением греки считали в то время двоеперстие. Но, как известно, менее чем за 50 лет до этого события русские приняли христианство от греков, приняли к себе присланных из Константинополя церковных иерархов, которые научили их вере и передали им весь греческий церковный обряд и чин. Понятно, что просветители русских христианством, греки прежде всего научили их творить на себе крестное знамение как внешний, видимый для всех знак их обращения и принадлежности к христианству; понятно, что греки научили новопросвещенных русских творить крестное знамение таким же образом, как они сами творили его в это время. А так как правым и обязательным для православных греки считали тогда двоеперстное перстосложение, то, конечно, и русских они научили знаменоваться в крестном знамении двумя перстами. Вот когда и откуда появилось на Руси двоеперстие в крестном знамении!

Но признание того факта, что двоеперстие в крестном знамении существовало некогда в православной греческой церкви как преобладающая и господствующая форма перстосложения, что она по времени предшествовала господствующему значению троеперстия, несколько, однако, не оправдывает наших старообрядцев, доселе смотрящих на двоеперстие как на единственно и исключительно православную форму перстосложения и отрицающих все другие формы как неправославные и даже еретические. Дело в том, что если двоеперстие как господствующая форма перстосложения и употреблялось в православной церкви ранее троеперстного перстосложения, то все-таки и само оно не было, однако, первоначальной и древнейшей формой перстосложения, а позднейшей и видоизмененной из древнейшей - единоперстия, так как в первые века христианства знаменовались в крестном знамении одним перстом. На это имеется целый ряд несомненных свидетельств. Так, св. Иоанн Златоуст говорит: "Когда знаменуешься крестом, то представляй свою знаменательность креста... Не просто *перстом* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположение и полная вера". Св. Епифаний говорит о некоем знакомом ему

православном муже Иосифе, что он, "взяв сосуд с водою, собственным своим *перстом* напечатлел на нем крестное знамение". Об употреблении одного перста в крестном знамении говорят затем блаженный Иероним, блаженный Феодорит, церковный историк Созомен, св. Григорий Двоеслов, Иоанн Мосх и др. Только у одного св. Кирилла Иерусалимского мы встречаем такое свидетельство: "С дерзновением да изображаем *перстами* знамение креста на челе и на всем"* . Самый крест при знаменовании себя в первые века христианства изображался иначе, чем в последующее время и теперь, именно одним перстом изображали тогда крест по преимуществу на челе или же на устах, очах, персях и вообще на отдельных частях тела, так что знаменованье себя большим крестом в первые века христианства не употреблялось, а вошло в обычай уже в позднейшее время**.

* Об этом находятся свидетельства у Тертуллиана, Киприана, св. Ипполита. Василия Великого, Григория Нисского, Ефрема Сирина, Амвросия Медиоланского, у Иеронима, Августина и др. Этот факт был известен и некоторым русским первой половины XVI века. Соборная грамота в Соловецкий монастырь о заточении бывшего троицкого игумена Артемия говорит: "Да и потому Артемью вина, что троицкой бывшей игумен Иона Сергеева монастыря писал на него, что он говорил хулу о крестном знамении: нет де в том ничего, прежде де и сего на челе своем знамение клали, а нынеча своим произволением большие на себт. кресты кладут".

** Филарет, архиепископ черниговский, в своей статье "Богослужение русской церкви домонгольского времени" в трактате о крестном знамении говорит: "Известно, что христиане вселенской церкви в разное время различно знаменовались крестным знамением, смотря по тому, какую мысль веры, какое чувство нужно выражать сим внешним действием, по обстоятельствам времени. Чтобы показывать единство Божие многобожникам (в первое время христианства), творили знамение креста *одним перстом*. Когда явился Арий с своею враждою против св. Троицы, тогда *некоторые* стали знаменоваться тремя перстами, хотя общим знамением продолжало оставаться одноперстие. Сие (троеперстное) не успело еще освятиться употреблением вместо одноперстного, как монофизитство, явсь к концу V века, заставило православных обратиться к другому знамению. Монофизиты с тем большим рвением продолжали употреблять одноперстное знамение, что оно, как казалось им, подкрепляет мнение об едином естестве в Христе Иисусе. Православные, желая исповедать не только устами, но осязательным знаком два естества во Христе, *стали знаменоваться двумя перстами*. К началу X века сии два вида знаменья - одноперстное и двуперстное - служили одним из внешних отличий двух разных вероисповеданий, монофизитского и православного. Так было в Сирии и Армении, где монофизитство действовало с особою силою. Между тем, троеперстное знамение крестом входило более и более в употребление и особенно там, где монофизитство мало занимало собою умы людей: за ним осталось то преимущество, что оно для всех выражало один из самых важных догматов христианства - догмат св. Троицы, а других отклоняло от споров пустых".

Таким образом, оказывается, что перстосложение для крестного знамения было в христианской церкви в различное время очень неодинаково; знаменовали себя крестом и одним перстом, и двумя, и тремя, причем в различное время такому или иному перстосложению усвоялось обыкновенно известное, определенное символическое значение в связи с тем или другим вероучением*, которое хотели выразить внешним, для всех видимым знаком, так что правильность того или другого перстосложения определялась в данное время соединяемым с ним учением. Самый крест в знаменовании себя христиане сначала изображали только или на челе, или на других частях тела и уже после стали класть руку при изображении креста на чело, потом на живот, на правое плечо и на левое или сначала на левое, а потом на правое. Следовательно, перстосложение в крестном знамении и самый способ изображения креста имеют свою историю, так как они с течением времени видоизменялись по требованию тех или других обстоятельств, причем эти видоизменения всегда находились в связи с вероучением, которое хотели в данное время выразить известным перстосложением**. Отсюда само собой следует, что считать какую-либо одну форму перстосложения за единственно

* Все эти свидетельства приведены в статье митрополита Макария: "Правило Стоглавого собора о двуперстии с исторической точки зрения" (Братское слово, 1875 г., кн. 2) и в статье "О крестном знамении" православную, будто бы всегда неизменно существовавшую в православной церкви, исключаящую все другие формы как неправославные, придавать тому или другому перстосложению в крестном знамении значение догмата, характер неизменяемости, значит или вовсе не знать историю перстосложения или заведомо исказить ее из неправильно понятых полемических целей. То перстосложение православно и обязательно для каждого христианина, какое в данное время признает таким сама православная церковь, так как только ей одной исключительно принадлежит право как устанавливать и освящать своим употреблением те или другие церковные обряды, так и производить в существующих обрядах те перемены, какие по ее мнению необходимы по требованию известных обстоятельств в видах ограждения и упрочения православия. Обязанность же всякого православного христианина в этом случае состоит в том, чтобы беспрекословно подчиняться водительство церкви, признавать для себя обязательным и спасительным то, что таким признает святая церковь. Филарета, архиепископа черниговского (Чт. Общ. ист. и древн. 1847 г., № 7).

** К сожалению, в нашей литературе до сих пор еще нет ни одного строго научного, беспристрастного и серьезного исторического исследования как о перстосложении в крестном знамении, так и по другим вопросам, которые, однако, уже целых два столетия служат между православными и старообрядцами предметом горячих споров, пререканий и взаимных обвинений, часто несправедливых благодаря тому, что обе спорящие стороны не имеют под собой твердой, научно исследованной почвы. Нам кажется, что на наших ученых полемистах с расколом лежит нравственный долг исследовать спорные вопросы

исторически, строго научно, без предвзятых, установившихся полемических тенденций, так как только под этим условием и возможна будет правильная постановка полемики с расколом, самая ее успешность и плодотворность. В самом деле, для успеха полемики с расколом недостаточно ограничиваться одними обличениями невежества и непонимания раскольников, а нужно показать и свое собственное, строго научное и беспристрастно приобретенное знание, недостаточно ограничиваться и заявлениями одних общих истин, что обряд не догмат, что он в течение веков видоизменялся в православной церкви и может видоизменяться, что значение обряда определяется не той или другой его внешней формой, а заключающимся в нем учением. Необходимо для успеха полемики эти общие истины показывать и доказывать на беспристрастно и основательно изученной истории тех самых частных обрядов, по поводу которых старообрядцы отделились от церкви и о которых доселе ведутся постоянно горячие споры с ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, беспристрастно и без полемических увлечений будет изложена, например, история перстосложения в православной церкви и, если возможно, и в других христианских церквях, сделается понятным, что обряд никак нельзя смешивать с догматом, считать его, как и догмат, всегда одинаково неизменным, тогда и он увидит, что с точки зрения древности существования обряда и двоеперстие и троеперстие есть позднейшие формы перстосложения по отношению к древнейшей - одноперстию. Он увидит и то, что одноперстие, сначала строго православный обряд, употребляемый великими отцами и учителями церкви, с течением времени сделался неправославным, конечно, не сам по себе, но ввиду того, что им воспользовались еретики монофизиты, связавшие с ним к соблазну православных свое еретическое учение, вследствие чего православная церковь и заменила у себя одноперстие, ставшее символом монофизитства, двоеперстием, ставшим символом православия. Он увидит далее, что появление двоеперстия и продолжительность его существования в православной греческой церкви зависело исключительно от монофизитства, только во время борьбы с ним имело свой смысл и значение. Как скоро борьба с монофизитством прекратилась, то и сама греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложения в крестном знамении отличаться не только от монофизитов одноперстников, но и от несториан, строго державшихся двоеперстия, с которым они соединяли свои еретические представления об образе соединения двух природ во Христе, заменила у себя двоеперстие более естественным и свойственным всякому христианину троеперстием, а ее примеру последовали потом и все другие православные церкви, так что двоеперстие сделалось с этого времени исключительной принадлежностью только несторианства, стало еретическим перстосложением в глазах православных. Отсюда уже само собой будет понятным каждому не только то, что двоеперстие не есть догмат, но что оно, перешедши на Русь от греков, когда те вели еще борьбу с монофизитами, для русской церкви вовсе не соприкасавшейся с монофизитством, никогда не имело того исключительного и важного значения, какое оно имело в свое время для церкви греческой. Ввиду этого для русских решительно не было никаких серьезных и уважительных сколько-нибудь причин упорно держаться именно только двоеперстной формы перстосложения, а тем более считать ее за исключительно православную форму, особенно после того, как и сама греческая церковь отказалась от двоеперстия и заменила

его у себя троеперстием, благодаря чему православное двоеперстие сделалось теперь исключительной принадлежностью еретиков несториан. Наконец, если двоеперстие уже по самому своему существу и происхождению не имело на Руси той исключительной специальной причины для своего существования, какая для него была в известное время в греческой церкви, и уже по одному этому должно было уступить с течением времени свое место троеперстию, то тем более такая перемена должна была совершиться у нас, что, благодаря неправильному взгляду на обряд вообще и в частности благодаря незнанию истории перстосложения в крестном знамении, некоторыми русскими придано было двоеперстию совсем неподобающее ему значение: оно признано было за догмат, за единственно православную форму перстосложения, всегда неизменно существовавшую будто бы в православной церкви и исключаящую все другие формы перстосложения как неправильные. И это в то время, когда на православном Востоке двоеперстие сделалось исключительной принадлежностью несторианства, когда там на употребление двоеперстия стали смотреть как на внешний видимый знак принадлежности употребляющего его лица к несторианству. Между тем, русские, имея неправильное представление о происхождении и значении двоеперстия, стали, однако, обвинять греков на этом, между прочим, основании в неправославии, в искажении древнего православного обряда и только себя считали людьми истинно и строго православными, вследствие чего замена у нас двоеперстия, теперь уже исключительно несторианского обычая, троеперстием становилась делом, требуемым миром церковью и правильно понятыми интересами самой русской церкви.

Конечно, восстановить полную подлинную историю перстосложения в крестном знамении с начала царствования христианской церкви до позднейшего времени, равно как и историю других вопросов, служащих предметом спора между православными и раскольниками, дело очень не легкое, но в то же время и не Невозможное. Хотя в древней христианской церкви и не придавали обряду того преувеличенного значения, какое ему придано было некоторыми впоследствии, особенно русскими, но все-таки и в то время обряд имел вообще очень важное значение, а если с ним соединялось такое вероучение, по поводу которого происходили споры и несогласия, то в таких случаях обряд ставился наравне с самым учением. Благодаря этому обстоятельству уже одно изучение, наприм., несторианства и монофизитства, в связи с историей православия и многочисленных попыток к их взаимному примирению, когда обращается серьезное внимание и на существовавшие между ними обрядовые различия, может дать, по нашему мнению, очень ценный материал и для решения разных обрядовых вопросов.